

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, редакционно-издательское оформление), 1989 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboïnikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST'S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE ‘POLITICS’ OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS’ PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN'S CULT AND THE ‘SOVIET FOLKLORE’	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ

БЫЛА ЛИ “ПОЛИТИКА” В РОССИИ XVI в.?
ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНУ ПРОБЛЕМУ

Авторы многочисленных исследований о Московии XVI в. обычно задумываются над тем, насколько используемый ими термин “политика” подходит к изучаемым событиям и явлениям. Политическая жизнь России того времени выглядит в изображении историков очень активной и рационально мотивированной: нам рассказывают о “внутренней” и “внешней” политике “правительства”, о “политической борьбе”, которую вели между собой придворные “партии” и группировки, а также о многочисленных “реформах”¹. Не только в биографиях 50–70-х годов минувшего XX столетия, но и в работах нашего времени можно прочесть о “глубоких радикальных реформах”, о стратегических замыслах “реформаторов” 50-х годов XVI в. и т.д.²

Без этих терминов не могут обойтись и западные русисты: так, Роберт Крамми в кратком обзоре царствования Ивана Грозного также употребляет слова “правительство”, “политика” и “реформы”. Но при этом он задает важный вопрос: “Кто правил Россией в годы реформ (имеются в виду реформы 1550-х гг. – М.К.)? Принимал ли молодой правитель (Иван IV. – М.К.) активное участие в выработке правительственной политики? Или члены его ближайшего окружения правили от его имени? Мы не можем быть уверены в ответе”³.

О том же пишет и новейший биограф Ивана Грозного Б.Н. Флоринский, источниками, которыми мы располагаем, “никак не позволяя судить о личном участии царя в происходящем... Следовал ли царь лично своим советникам, проявлял ли сам инициативу или, наоборот, советникам приходилось постоянно преодолевать его сопротивление? Ответить на эти вопросы имеющиеся материалы не позволяют”⁴.

Показательны сами споры о том, кто являлся инициатором проводником реформ 50-х годов: Алексей Адашев и Сильвестр? Митрополит Макарий? Царь Иван? Или какие-то иные лица?⁶ Создается парадоксальная ситуация: по имеющимся источникам мы можем в общих чертах представить *внешнюю* сторону реформ, составить впечатление об *итогах* преобразований. Но кто и как эти реформы готовил, как принимались решения об их проведении – нам остается неизвестным. Значение этого факта не стоит недооценивать: задумавшись на минуту, каким бы был образ России XIX в., если бы мы точно так же терялись в догадках, кто конкретно разрабатывал проекты отмены крепостного права или судебной реформы 1864 г.

Самое простое объяснение описанной ситуации (“реформы без реформаторов”) – исчезновением необходимых источников – было бы, на мой взгляд, поспешным и слишком поверхностным. Ведь источники, передающие суть правительственных распоряжений, в той или иной форме (в подлиннике, позднейших списках или в пересказах) все-таки сохранились: можно назвать, например, Судебник 1550 г., губные и земские уставные грамоты 30–50-х годов XVI в. или записанный в разрядные книги Приговор о службе 1555/1556 г. Чего в нашем распоряжении нет абсолютно, так это каких-либо “протоколов” заседаний Боярской думы, на которых принимались решения о проведении тех или иных преобразований в государстве. Нет и проектов таких реформ.

Но что еще удивительнее, так это почти полное равнодушие летописей – нашего главного источника по политической истории страны в описываемое время – к каким-либо внутренним мероприятиям административного характера. Если обратиться, например, к так называемому “Летописцу начала царства” – летописи, составленной в первой половине 50-х годов XVI в. по случаю взятия Казани и являющейся важнейшим источником сведений по истории первой половины правления Ивана IV, с 1533 по 1552 г.⁷, – то можно заметить, что речь там идет почти исключительно о военных и династических событиях: войнах с Литвой и Казанью, приездах и отъездах послов и т.д.⁸ Гораздо меньше внимания уделено в этом памятнике тому, что мы бы назвали “внутриполитическими событиями” среди происшествий, которые летописец считал достойными упоминания в те годы, – боярские раздоры в 30–40-х годах, рождения и смерти в великокняжеской (с 1547 г. – царской) семье, поездки государя на богомолье и лишь одна реформа – монетная – в 1535 г.⁹ Читатель этой летописи ничего не узнает о губной реформе 30–40-х годов или о принятии нового Судебника в 1550 г., – эти события просто не упомянуты летописцем!

Сказанное об одной летописи может быть с тем же основанием повторено в отношении других памятников этого жанра: летописи

редко и "неохотно" повествуют о нововведениях в сфере государственного управления, т.е. о том, что как раз вызывало наибольший интерес у историков XIX–XX вв.¹⁰ Но это и не удивительно: общепризнан и пока никем не оспорен тот факт, что летописи на протяжении многих веков существования этого жанра создавались главным образом в монастырях или при епископских кафедрах¹¹. Поэтому более чем вероятно, что отбор сюжетов для летописания определялся церковно-назидательными целями. Однако сам затронутый вопрос гораздо шире: ведь и сочинения светских лиц (Иван Грозный может послужить здесь ярким примером) в XVI в. наполнены библейскими образами, церковной риторикой; тема власти неотделима от религиозно-моральных проблем.

Долгое время сочинения публициста середины XVI в. Ивана Пересветова было принято рассматривать как политические трактаты, а его самого – как глашатая реформ 50-х годов¹². Однако в недавнем исследовании А.Л. Юрганова было справедливо подчеркнуто ключевое значение понятий "правда" и "вера" в сочинениях Пересветова, раскрыт религиозно-философский смысл его утопических идей¹³. К сходным выводам пришел и А.В. Каравашкин, обнаруживший эсхатологические мотивы в творчестве Пересветова, Ивана Грозного и Андрея Курбского¹⁴. Комментируя взгляды последнего, тот же исследователь отмечает, что "Курбский не предлагал... автономных социально-политических категорий. Его понимание власти было по преимуществу религиозным"¹⁵.

Если в российской историографии вывод о том, что "люди XVI в. не различали эти две сферы" – политику и религию – и что "политика" для них являлась "осуществлением христианских задач и целей" (А.Л. Юрганов)¹⁶, отражает новую тенденцию в отечественной медиевистике, то в зарубежной русистике подобные наблюдения делались уже сравнительно давно. Так, еще в 1979 г. Даниэл Ротшильд, исследуя Повести о Смутном времени, пришел к важному выводу о том, что авторы этих повестей использовали не политические, а моральные критерии в оценке правящих деятелей и событий; для них первопричина происходящего коренилась в душах людей, а не в политике. Россия представлялась им священным Богоизбранным сообществом, а не объединением различных социальных групп¹⁷. О том, что "политические" вопросы людьми XVI–XVII вв. понимались в морально-религиозном смысле и что старец Филофей, например, рассуждал о теологических и нравственных проблемах, а не писал политические трактаты, вполне резонно напомнил коллегам Пол Бушкович в статье о формировании национального самосознания в России начала Нового времени¹⁸.

Таким образом, в современной историографии можно заметить два различных подхода к изучению феномена власти в средневеко-

вой Руси. С традиционной точки зрения, коль скоро московские правители издавали законы, проводили реформы, вели войны с соседями и т.п. – они занимались *политикой*. При таком подходе кажется совершенно естественным, во-первых, использовать для изучения прошлого политический словарь Нового времени (“правительство”, “реформы”, “проекты” и т.д.) и, во-вторых, ограничиваться рассмотрением *внешней*, “объективной” стороны изучаемых событий. Этот традиционный взгляд грешит явной модернизацией явлений прошлого: власть и управление времен Ивана Грозного мыслятся в аналогии с государственной жизнью XIX–XX вв. Кроме того, в рамках данной парадигмы остается необъяснимым отмеченное выше молчание летописей и иных нарративных памятников о важнейших внутривластных преобразованиях XVI в.

Иной взгляд на проблему демонстрируют некоторые современные исследователи древнерусской культуры, которые предлагают исходить из ценностей и понятий изучаемой эпохи: по словам А.Л. Юрганова, “любое концептуальное построение должно быть основано на анализе смысловых структур средневекового сознания...”¹⁹ Этот исследователь, как уже говорилось, отрицает наличие в XVI в. автономной, отличной от религии сферы “политики”. При этом одним из аргументов служит то обстоятельство, что, как указывает Юрганов, слова “политика”, “политический” появились в русском языке только в конце XVII в.²⁰ Эту датировку следует уточнить: по данным исторической лексикологии, слово “политика” было заимствовано из французского языка в петровскую эпоху. Знаменитый труд ученого хорвата Юрия Крижанича, известный под условным названием “Политика” и написанный в 60-е годы XVII в. в сибирской ссылке, был опубликован только в середине XIX в.²² и на современную ему русскую общественную мысль заметного влияния не оказал. Но, разумеется, это уточнение не меняет сути проблемы, затронутой А.Л. Юргановым: могла ли в XVI в. существовать сфера политики, если термин, ее обозначающий, появился лишь два века спустя?

Последний аргумент отнюдь не кажется мне убедительным: не то, что известный нам *сейчас* термин появился в русском языке относительно поздно, еще не свидетельствует о том, что в XVI в. не было какого-либо другого слова или выражения для обозначения сферы государственной деятельности. Проведу параллель с понятием патриотизма: хотя сам этот термин также был заимствован в XVIII в. из французского, в предшествующие столетия неоднократно появлялись слова, близкие по значению к слову “патриот”, но в языке не удержавшиеся (например, в XIV в. употреблялась калька греческого: “отечестволюбец”, а в начале XVII в. – громоздкое выражение “доброхотящие Московскому царству”)²³. Здесь, разумеется,

важны оттенки: в разные эпохи и любовь к родине, и отношение к власти могли принимать различные формы и по-разному осмысливаться. Изучение этих форм и оттенков как раз и является задачей историка. К “политическому словарю” XVI в. мы еще вернемся в последующем изложении.

Не могу я согласиться и с приведенным выше тезисом А.Л. Юрганова о том, будто Иван Грозный и его современники не различали между собой политику и религию, поскольку “политика” была для них осуществлением христианских целей. На мой взгляд, здесь смешиваются дискурс о власти и реальная управленческая практика. Не вызывает никакого сомнения тот факт, что образованность и культура в XVI в. носили религиозный характер, что всякое рассуждение опиралось на Священное писание и труды отцов церкви. И начало очередной войны с западным соседом (Великим княжеством Литовским, затем – Речью Посполитой), и казнь неугодных подданных верховная власть неизменно оправдывала (рационализировала) ссылками на высшие христианские ценности. Но это вовсе не значит, что в *практических шагах* этой власти как внутри страны, так и во внешнеполитической сфере не было никаких земных интересов, будничной рутины, логики момента и т.п.

Стремление свести все мысли и поступки средневекового человека к религии, характерное для А.Л. Юрганова и ряда его коллег – исследователей древнерусской книжности, побуждает меня привести одно меткое суждение французского историка Поля Вена, высказанное им по поводу истории религии. “В заботах дня, – цитирует Вен психолога П. Пруйзера, – религиозность занимает лишь меньшую часть мыслей религиозно настроенного человека... Она занимает узкую полоску, но переживается искренне и напряженно”. Однако историки религии, продолжает Вен, “превращают свой предмет в некую монолитную идею, тогда как мышление – не каменная глыба, и приписывают религии действительное преобладание над другими формами практики, сопоставимое с ее теоретической значимостью. Между тем обыденность развеивает эти возвышенные иллюзии. Сколь бы ни были важны религия, политика или философия в этом мире или ином, на практике им отводится узкое пространство, и они вполне терпимы к противоречиям, потому что противоречия для них обычно неощутимы. От этого они не становятся менее искренними и напряженными...”²⁴ Полагаю, что развиваемый тезис П. Веном в процитированной работе тезис о “множественности истин”, мирно уживающихся в сознании человека, может немало способствовать плодотворному осмыслению поднятой в данной статье проблемы.

Наконец, уязвимость обобщений о “смысловых структурах средневекового сознания”, построенных на анализе избранных произведе-

дений древнерусской литературы, состоит в ограниченности круга использованных источников. Почему эти “смыслы” извлекаются преимущественно из сочинений Пересветова, Ивана Грозного, Курбского и других книжников, а источники иных жанров игнорируются? Разве посольские и разрядные книги, летописи, законодательные памятники, многочисленные жалованные и указные грамоты, а также частные акты никак не характеризуют миропонимание людей XVI в.?

В итоге оба охарактеризованных выше подхода к проблеме “политики” в указанную эпоху представляются мне односторонними и существенно искажающими исследовательскую перспективу. Если традиционная политическая история, игнорируя пронизанный христианскими мотивами дискурс, невольно “секуляризировала” и маргинализировала общество того времени, то новейшая история культуры, отождествляя дискурс и практику властвования и ограничивая круг источников преимущественно литературными памятниками, рискует подменить историю эпохи литературоведением. Интересно, что при всей противоположности этих подходов их сторонники равны в своем понимании категории “политика”, которая мыслится по образу и подобию современной нам государственной жизни – с той только разницей, что адепты институциональной истории априори постулируют наличие *такой* “политики” (в привычных нам формах в России XVI в., а историки культуры отказываются ее там видеть, поскольку как нечто автономное она несовместима с их представлениями о религиозном духе изучаемой эпохи.

Возможно ли найти “третий путь”, который позволил бы избежать крайностей обоих упомянутых подходов, используя при этом ценные наблюдения, сделанные представителями разных научных школ? Полагаю, что таким путем может стать изучение *культуры политической истории политического* в средневековой Руси, или *история политической культуры*.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОСКОВСКОЙ РУСИ

Американские политологи Г. Алмонд и С. Верба, которые ввели широкий научный оборот термин “политическая культура”, имели в виду *субъективное* измерение политики. Согласно их определению, политическая культура – это “отношение индивида к политической системе и ее различным частям, а также к его собственной роли в этой системе”²⁵.

Разработанная Алмондом и Вербой классификация типов политической культуры носит явно эволюционный характер. То, что

В аспекте о политической культуре Московии, соответствует двум названным ими типам, характерным для традиционных обществ: “парохильному”²⁶ типу и культуре “подданства”. Первый из названных типов политической культуры характеризуется тем, что для членов подобного общества “политические ориентации... не отделены от их религиозных и социальных ориентаций”²⁶. Как было показано выше, эта характеристика вполне приложима к московскому обществу XVI в. Вместе с тем ей присущи и черты следующего типа политической культуры по классификации Алмонда и Вербой – культуры подданства (subject culture). Действительно, в обществе существовали “специализированные политические роли” в Московии – царь, бояре, дьяки и т.д.), а подданные выражали определенное отношение к властям, в частности, признавали их легитимность²⁷.

Предвижу, что приведенная политологическая характеристика московского общества XVI в. едва ли удовлетворит коллег-историков. Действительно, предложенная классификация лишь по-новому описывает явления, уже давно известные специалистам. Однако цель разработанного Алмондом и Вербой подхода состоит не в том, чтобы предложить коллегам (в данном случае – историкам) некие готовые выводы и оценки, а в том, чтобы наметить пути сравнительного изучения политики в разных обществах и в различные эпохи. Для историков России понятие “политическая культура” может стать полезным инструментом такого сравнения как в синхронистическом сопоставлении с другими государствами в одну и ту же эпоху), так и в асинхронистическом плане (наблюдение за сменой форм политических ориентаций при переходе, например, от Московской Руси к Петербургской империи).

Начиная с 80-х годов XX в. историки широко использовали концепт “политическая культура” в своих исследованиях, придавая ему несколько иной смысл, чем упомянутые выше классики политологии. Так, историк Великой французской революции Кит Бейкер толкует данное понятие, по его собственному признанию, “лингвистически”, понимая под “политической культурой” “набор дискурсов и символических практик”, при помощи которых индивиды и группы в данном обществе формулируют, обсуждают, осуществляют и навязывают другим собственные притязания²⁸.

Историки-русисты также “взяли на вооружение” это понятие. Одним из первых его использовал гарвардский профессор Эдвард Киппан. “Политическую культуру” он определил как “комплекс верований, практик и ожиданий, который – в умах русских – прида-

²⁶ От англ. parochial – букв. “приходской”, ограниченный пределами церковного прихода.

вал порядок и значение политической жизни и... позволял его участникам создавать как основополагающие модели их политического поведения, так и формы и символы, в которых оно выражалось”²⁹. В дальнейшем зарубежными и отечественными исследователями российского прошлого был предложен еще целый ряд формулировок интересующего нас понятия; при этом одни авторы, подобно Дональду Островски, включают в него и политические институты³⁰, другие же (как, например, Б.И. Колоницкий), наоборот, противопоставляют политическую культуру политическим институтам³¹.

Одним из наиболее удачных я считаю определение “политической культуры”, данное Валери Кивельсон: она обозначает этим термином “зону пересечения между политическими практиками и структурами – и культурными ожиданиями, нормами и ценностями”. “Политическая культура, – подчеркивает исследовательница, – должна рассматриваться как реифицированное, статичное и определяющее качество народа или государства, но, скорее, как эвристический инструмент для изучения политических и культурных характеристик и направлений развития”³².

Расставшись с представлением о том, что “политика” всегда она же и является вечным повторением форм, свойственных XIX–XX вв., мы получаем возможность увидеть своеобразие русской политической культуры XVI в. и задуматься об ее эволюции. Если очень упрощенно представить эту эволюцию, то она предстает как процесс постепенной секуляризации сферы политики и управления, ее выделения в особую область светской и рациональной мысли и деятельности.

В XVI в. до этого еще далеко, но сам процесс формирования сферы политики уже начался. Примечательно, что внешнеполитическая сфера (война и дипломатия) была значительно раньше выделена как важнейшее поле государственной деятельности, чем сфера внутреннего управления. Выше уже говорилось об исключительном интересе летописцев к военным кампаниям и обмену посланиями с соседними государствами. Что еще интереснее, именно применительно к внешней политике уже в ранних источниках можно найти примеры вполне светских и прагматических рассуждений: с кем заключить мир, с кем вести войну и т.п. Характерна, например, запись в посольской книге о решении заключить перемирие с Литвой (январь 1537 г.): “...говорил князь великий (Иван IV. – М.К.) с боярами: пригоже ли с королем (речь идет о Сигизмунде I, короле польском и великом князе литовском, 1506–1548. – М.К.) взять перемирие на время? и приговорил, что с королем перемирие пригоже и ти, для иных сторон недружних: Крым неведом, со царем Саип-Гиреем крепости еще нет никоторые; ...а казанские люди измену уч-

...а еще с ними дела некоторого не учинено; и для тех дел при-
шло с королем перемирие взяти, на колько лет пригоже, чтоб с те-
ми сторонами поуправитись”³³.

Это преимущественное внимание к ратным делам и мирным пе-
говорам находит свое объяснение в рамках московского полити-
ческого дискурса: поскольку “государство” в значительной мере
существовало с “государем”³⁴, то повествование о войнах, кото-
рые он вел со своими соседями, или о заключаемых им перемириях
прекрасно соответствовали этому образу единого, внутренне нерас-
членимого политического целого. Напротив, конфликты *внутри*
этого целого (например, распри между боярами при московском
царе) решительно осуждались как проявление дьявольских козней,
в каком-то рациональном осмыслении борьбы за власть не было и
быть. Вот, например, как в “Летописце начала царства” объясняется
предостережение удельного князя Юрия Дмитровского вскоре после смерти его
старшего брата Василия III в декабре 1533 г.: “...ненавидя добра и
враг диявол, иже всегда радуется о погибели человечестей и о кро-
вопролитии и о межиусобной брани, вложи бояром великого князя
мысль, неблагоу: только не поимати князя Юрья Ивановича, ино ве-
ликаго князя (Ивана IV. – М.К.) государству крепку быти нельзя...
Сего бо ради ненавидий добра враг диявол вложи мысль сию, ведя-
ще бо, аще не поиман будет князь Юрьи, не тако воля его (дьявола. –
М.К.) совершитца в граблении и в продажах и во убийствах. Сего ра-
ди пусти их на зло сие дело”³⁵. Аналогичные пассажи содержатся в
рассказах той же летописи о мятеже князя Андрея Старицкого в
1537 г., об убийстве дьяка Федора Мишурина в 1538 г. и о казни бо-
яра в Коломне в 1546 г.³⁶

Конфликты, раздоры нарушают “тишину” и спокойствие право-
славного царства; они, конечно, инспирируются дьяволом. А борьба
за власть внутри страны также есть что-то противозаконное: власть
должна захватить, она вручена Богом роду московских государей и
передается от отца к сыну (об этом не раз пространно рассуждал
Иван Грозный в своих посланиях)³⁷.

Здесь мы подошли к очень важному отличию московской сред-
невековой политической культуры от той, что характерна для Но-
вого времени. Это отличие удачно сформулировал американский
историк Эдвард Кинан: “Политика в Московии была политикой ста-
нции, а не функции...”³⁸ Антифункционализм московской “полити-
ки” бросается в глаза при сравнении с пониманием “политики” в
Новое время.

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ “ПОЛИТИКИ”: МАКС ВЕБЕР И АРИСТОТЕЛЬ

Как заметил Э. Банфильд, все существующие сейчас многочисленные дефиниции категории “политика” используют три ключевых аналитических элемента: конфликт, власть и проведение курса (*policy*)³⁹. Самое известное, пожалуй, определение “политики” принадлежит Максиму Веберу (из работы “Политика как призванная профессия”): «...“политика”, судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства и группами людей, которые оно в себе включает»⁴⁰.

Интересно, что все отмеченные выше элементы “политики” в современном понимании могут быть обнаружены в *политической практике* XVI в.: мы видим там и яростные вспышки борьбы за власть, дворцовые перевороты (в 30–40-е годы XVI в.), и серьезные и административных преобразований (в 50-е годы XVI в.) и группу лиц (дьяков, казначеев, дворецких), которые постоянно и, можно сказать, профессионально занимались государственным управлением. Однако все эти реалии или не замечались, или отвергались *дискурсом*, поскольку они не укладывались в русло существовавших тогда представлений о власти, основанных на христианских идеях.

Именно антифункционализмом московской политической культуры XVI в. можно объяснить отмеченное выше поразительное внимание летописцев к реформам и вообще к делам внутреннего управления. Власть мыслилась направленной вовне – на защиту славы царства от угрожающих ему “басурман” и еретиков; внутри же царства правителю надлежало охранять спокойствие и честь подданных. Какие-то практические меры по совершенствованию порядка управления в этот высокий образ не вписывались. Реформы вообще плохо вязались с образом богоданной традиционной власти. Вероятно, все это считалось чем-то будничным, служащим тому, чтобы стать предметом рассуждений книжников или попасть на страницы летописей. Вот и приходится историкам, полагающим в духе нашего времени, что реформа – это самое важное в истории, собирать о них сведения по крупицам.

Итак, в московском дискурсе XVI в. не удается обнаружить ничего похожего на “политику”, понимаемую в веберовском духе. Может быть, поиски будут более успешными, если в качестве критерия избрать другую концепцию “политики”, более созвучную нашей эпохе?

В древнегреческом языке слово *τά πολιτικά* означало “государственные и общественные дела”⁴¹. В созданном Аристотелем

о “политике” целью последней провозглашалось общественное благо. “Если конечной целью всех наук и искусств является благо, – писал знаменитый философ, – то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политика. Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе”⁴².

И вот если понимать “политику” в аристотелевском смысле, то как стремление к высшему благу и общей пользе, то в московском летописании и других источниках XVI в. можно обнаружить русский аналог этого греческого понятия.

В памятнике первой половины 50-х годов XVI в., уже цитированном выше “Летописце начала царства”, под 1540 г. говорится о том, что “князь Иван Васильевич Шуйский на митрополита и на бояр учал гнев держати и к великому князю не ездити, ни з бояры советовати о *государьских делех и о земских*”⁴³ (курсив мой. – М.А.). То же выражение употреблено под 1549 г. в другом контексте там описано, как молодой царь отправляется в поход на Казань “на свое дело и земское”⁴⁴. Еще более выразителен пассаж, вошедший в более поздней редакции той же летописи под 1538 г.: осуждая боярские распри в годы малолетства Ивана IV, летописец замечает: “И многие промеж их бяше вражды о корыстных и о племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни князьским”⁴⁵.

Очевидно, выражение “дела государские и земские” означало нечто очень важное, касавшееся интересов всего государства и стоявшее несравненно выше интересов отдельных вельмож или знатных семейств. Это выражение соответствует (хотя не является переводом!) греческому *τά πολιτικά*. Едва ли тут следует видеть прямое заимствование: сама структура интересующего нас выражения, состоящего из двух взаимосвязанных элементов (“государское и земское”), выдает его московское происхождение. “Государь”, “земля” – все это очень далеко от греческого полиса. Кроме того, важно учесть, что к моменту появления данного устойчивого словосочетания в летописании (середина XVI в.) оно уже довольно давно существовало в московском политическом дискурсе: в посольской книге, фиксирующей отношения Русского государства с Литвой, это выражение встречается уже в самом начале XVI в.

Самый ранний известный мне пока случай употребления формулы “дело государское и земское” относится к 1502 г.: в посланных с сыном Иваном Телешовым наказных “речах” Ивана III к его сыну, князю Дмитрию, осаждавшему тогда Смоленск, говорилось: “И вы бы за тем дела не откладывали, уповая на Бога и на живоначальную Троицу, и на пречистую Его Матерь, и на святых чудотворец, и на

родительскую молитву, города бы есте Смоленска доставали и дела наши и земское делали, посмотря по делу, как вас Бог вразумит и вам Бог поможет...”⁴⁶ (курсив мой. – М.К.).

Обращает на себя внимание второй элемент данной формулы “земское” (дело). Л.В. Черепнин переводил слово “земский” применительно к XVI в. как “государственный”⁴⁷, что представляется неточным: как уже говорилось выше, в указанном столетии понятие “государство” еще неотделимо от понятия “государь”; обособление первого из них, как показал А.В. Толстиков, наблюдается лишь в XVII в., тогда же появляется и прилагательное “государственный”⁴⁸. Полагаю, что слово “земский” в анализируемом нами случае относилось к стране (“земле”) и ее населению. Объединение же двух элементов в одну формулу – “дела государские и земские” – указывало на высшие интересы, важные и для государя, и для страны.

Примечательно также, что во всех случаях, когда источники позволяют конкретизировать применение интересующей нас формулы, оказывается, что “делом государским и земским” именовалась военная кампания. В этой связи кажется не случайным, что самый представительный в XVI в. собор, в котором приняли участие бояре, дворяне, духовенство и торговые люди (в науке такие соборы принято называть “земскими”), был созван в 1566 г. для обсуждения вопроса о том, следует ли заключить перемирие с польским королем, или продолжать войну⁴⁹.

Сравнивая аристотелевское учение о “политике” с московским политическим дискурсом XVI в., можно отметить как черты сходства, так и существенные отличия. Ревнителей “дела государева и земского” нельзя считать последователями греческого философа уже хотя бы потому, что они вовсе не считали это “дело” некоей светской наукой или искусством. В дискурсе XVI в. религиозные идеи и политические соображения (порой вполне прагматического свойства) сплавлены воедино. И тем не менее в одном отношении можно заметить явное сходство между взглядами Аристотеля на “политику” и представлениями “московитов” о целях государственной деятельности: и в том, и в другом случае идеалом является общее благо или польза. То, что идея такой общегосударственной пользы (“дело государево и земское”) уже появилась в Московии XVI в., и то, что, по крайней мере, вопросы войны и мира находились в центре внимания и даже становились порой предметом публичного обсуждения, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что сфера политики уже зародилась в описываемую эпоху. Проследить ее дальнейшую эволюцию в те формы, которые она принимала в последующие века, – чрезвычайно увлекательная задача. Она, однако, уже выходит за рамки данной статьи.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И КАНЦЕЛЯРСКАЯ ПРАКТИКА

Какое значение имеют отмеченные выше особенности московской политической культуры XVI в. для понимания истории России той эпохи? Существовала ли связь между дискурсом о власти, политических идеями и представлениями, с одной стороны, и практиками власти и управления – с другой? Полагаю, что такая связь действительно существовала, и если ее не учитывать, невозможно адекватно понять политическую жизнь Московии описываемого времени.

Реальная практика была, конечно, разнообразнее и богаче существовавших политических воззрений, но эти представления о власти (дискурс) образовывали границы возможного и невозможного в политической жизни, своего рода неписаную "конституцию" страны. Так, например, эти воззрения не допускали какого-либо официального ограничения власти государя, даже малолетнего: на практике это означало, что никакое регентство (диктовавшееся потребностями реальной жизни) не могло быть вполне легитимным, а значит прочным. Следствием этой коллизии между дискурсом и реалиями жизни стал затяжной политический кризис времени малолетства Грозного в 30–40-е годы⁵⁰.

Особенностями московской политической культуры, как я стараюсь показать, объясняются и те многочисленные трудности, с которыми сталкиваются исследователи, пытающиеся изучить ход реформ 50-х годов XVI в. и выстроить некий объективный ряд событий. Внешнюю сторону политической жизни невозможно правильно понять без ее внутренней, субъективной стороны; дискурсы и практики власти необходимо изучать параллельно.

Важно учесть отмеченную выше "асимметричность" московского политического дискурса, который сфокусирован на сфере внешней политики, в то время как внутреннее управление, административная рутина, остается в тени. Для того чтобы получить представление о "буднях" власти, исследователю нужно обратиться к многочисленным делопроизводственным документам, которые содержат информацию служебного характера, не предназначавшуюся для всеобщего сведения. В частности, о многом могут поведать нам канцелярские пометы на грамотах.

Все официальные документы в XVI в. выдавались от имени великого князя или (с 1547 г.) царя. Однако писавшие их подьячие часто помечали на обороте грамоты, кто в действительности отдал распоряжение о ее выдаче. Подобные пометы встречаются уже в самом начале правления Василия III: на обороте оброчной грамоты галицким рыболовам от 23 марта 1506 г. помимо титула великого князя Василия Ивановича содержится надпись: "Приказал дворецкой

Петр Васильевич”⁵¹ (имелся в виду П.В. Великий-Шестунов)⁵², много за время великого княжения Василия III (1505–1533), согласно составленному С.М. Каштановым хронологическому перечню памятных грамот (с последующими дополнениями), известно 22 документа с подобными дорсальными надписями⁵³. В период так называемого “боярского правления”, когда юный Иван IV был фактически недееспособен, эта практика получила дальнейшее развитие: всего за 1534–1548 гг. мне удалось выявить 60 грамот, на обороте которых указано, по чьему приказу они были выданы. В большинстве известных случаев (53 из 60) соответствующие распоряжения исходили от дворецких и казначеев⁵⁴.

Это наводит на мысль о том, что хозяйственно-распорядительная деятельность вполне могла осуществляться без личного участия великого князя. В 30–40-е годы XVI в. так оно и было, и в крайне редкие случаи, когда сам государь отдавал соответствующее распоряжение, особо отмечались дьяками. Так, на жалованной грамоте Ивана IV Антонию Сийскому монастырю от 6 февраля 1545 г. имеется помета: “А приказа ся нову грамоту дати сам князь великий”⁵⁵.

Приведенные наблюдения позволяют прояснить вопрос о роли государя в российской монархии XVI в. Эта роль была в основном статусной: во-первых, великий князь или царь выступал в качестве верховного арбитра по отношению к придворной аристократии, осуществляя контроль за лояльностью знати и регулируя местнические отношения в ее среде⁵⁶. Во-вторых, монарх, был носителем государственного суверенитета, представлявшим свою страну во внешних сношениях: Ивану IV уже начиная с трехлетнего возраста приходило участвовать в церемониях приема иностранных послов⁵⁷. Однако в течение повседневных административных забот было переложено, как показывают многочисленные документы, на плечи нарождавшейся бюрократии: дворецких, казначеев и дьяков.

В их же руках находился и реальный контроль за земельным фондом страны. Именно от дворецких, казначеев и дьяков чаще всего зависела выдача просителю жалованной грамоты на то или иное владение. Роль руководителей дворцового ведомства в этом деле явно видна из упомянутых выше многочисленных помет на обороте документов. Но и участие дьяков едва ли сводилось к чисто техническим функциям. Вот несколько примеров, взятых из практики 30–40-х годов XVI в.

Сохранившаяся в подлиннике жалованная грамота Ивана IV игумену Троице-Сергиева монастыря Иоасафу на беспошлинный проезд монастырских людей один раз в году по Дмитровскому и Кашиинскому уездам, датированная 9 февраля 1534 г., не содержит на обороте пометы о том, кто приказал ее выдать (самому великому князю

о было тогда три с половиной года от роду!). Зато на лицевой стороне, на нижнем поле возле печати мелкими буквами написано: "Подпись дьяка Офонася Курицына подписати"⁵⁸. Чтобы понять смысл этой (сделанной явно для памяти) записи, нужно сделать небольшое пояснение.

Скет жалованной грамоты писался подьячим, а дьяк надписывал на обороте титул и имя великого князя; имена подьячего и дьяка при этом обычно не указывались. Иным был порядок подписания старых грамот на имя нового государя: на обороте документа делалась краткая записка о его подтверждении, и при этом дьяк, руководивший этой процедурой, ставил свою подпись. Известно 46 грамот Троице-Сергиева монастыря, подписанных на имя Ивана IV 9 февраля 1534; на их обороте читается имя дьяка Афанасия Курицына⁵⁹. Там же числом (9 февраля) датировано и 17 новых жалованных грамот выданных троицкому игумену Иоасафу, включая упомянутый выше документ на право беспошлинного проезда монастырских людей по территории двух уездов⁶⁰. В общей сложности, по имеющимся (возможно, неполным) данным, через великокняжескую канцелярию прошло тогда 63 грамоты, адресованных Троицкому монастырю. Весьма вероятно, что в указанный день (9 февраля 1534 г.) состоялось лишь благоприятное для этой обители решение о подтверждении прежних и выдаче новых грамот, сама же работа по их оформлению заняла более продолжительное время. В этой связи заслуживает объяснения приведенная выше канцелярская помета: вероятно, приготовленные подьячими тексты грамот ждали своей очереди, пока дьяк скрепит их удостоверительными подписями. Кто-то из подьячих и записал для памяти на нижнем поле одного из документов: "Подпись дьяка Офонася Курицына подписати". Помета бесцельно свидетельствует о том, что именно этот дьяк контролировал тогда выдачу жалованных грамот крупнейшей духовной организации – Троице-Сергиеву монастырю.

Одним из самых влиятельных дьяков 30-х годов был также Федор Мишурин⁶¹. Именно он подписал на имя Ивана IV большинство грамот прежних государей, предъявленных землевладельцами для подтверждения в 1534–1535 гг. Он же оформлял жалованные грамоты монастырям во исполнение последней воли Василия III, завещавшего село нескольким обителям. 22 сентября 1535 г. игумен Иоасаф был извещен великокняжеской грамотой о том, что покойный государь Василий III отписал Троицкому монастырю по своей душе село Тураково с деревнями. Приписка гласила: "А грамоту б естя нашу жалованную на те села взяли у дьяка нашего у Федора у Мишурина". Но прошел еще год, прежде чем в октябре 1536 г. монастырь получил, наконец, жалованную грамоту на завещанные ему Василием III села Дерябино и Тураково⁶².

Грамоту у дьяков можно было выпросить и обманным путем. В указной грамоте Ивана IV 1542 г. явствует, что некий Иван Богданов сын Веревкина “вылгал у наших дьяков грамоту” на двор в Мурома, “а сказал, тот двор пуст, и не живет в нем никто”⁶⁴.

Решающую роль приказных дельцов в хозяйственно-административной сфере нужно особо подчеркнуть в связи с распространенными в историографии со времен А.Е. Преснякова представлениями о “вотчинном” характере московского самодержавия⁶⁵. И в современной научной литературе можно встретить суждения о том, что “великий князь воспринимал государство как большую вотчину, ему принадлежавшую”, что он мог распоряжаться всей землей в пределах Московского великого княжества⁶⁶; или, в несколько другом варианте, что территория Русского государства представляла собой собственность (вотчину) великокняжеского рода⁶⁷.

Здесь, как мне кажется, вновь смешиваются дискурс и практика управления, идеологическое обоснование верховной власти, передаваемой от отца к сыну в великокняжеском роду, и повседневные земельные отношения. Если исключить из рассмотрения период присоединения к Русскому государству военным путем Новгорода, Смоленска и других территорий, где “по праву победителей” были проведены земельные конфискации, а также зловещие годы опричнины, то нужно признать, что в нормальной обстановке права собственности в России XVI в. соблюдались. Как известно, при земельных описаниях и межеваниях писцы всегда тщательно разграничивали земли государственного фонда (“черные” и помещичьи) и частные владения монастырей или светских вотчинников. Об уважении владельческих прав свидетельствуют, на мой взгляд, и случаи обмена землями между государем и его подданными. Так, в ноябре 1547 г. в обмен на село Боборыкино, принадлежавшее князю М.И. Кубенскому, последнему было дано царское село Куликово с деревнями в Дмитровском уезде; новое село было закреплено за князем Кубенским в вотчинное владение, что и было оформлено выдачей ему соответствующей жалованной грамоты Ивана IV⁶⁸. Разумеется, участники этой сделки были отнюдь не равны: скорее всего князь М.И. Кубенский просто уступил воле царя или того, кто действовал от его имени. Однако приличия, по крайней мере, были соблюдены: князь получил равноценную вотчину взамен уступленной.

И уж совсем странным и анахроничным выглядит созданный в историографии образ великого князя – “вотчинника”, якобы управлявшего страной подобно сельскому хозяину. Изучение канцелярской практики XVI в. не подтверждает этой “вотчинной теории”. Государь этого времени – не хозяйственник, озабоченный округлением своих вотчин, а суверен, глава обширного государства, в котором распоряжении имелся достаточно развитой дворцовый аппарат, ба-

дворянскому, которому у него не было необходимости постоянно вникать в будничные административные вопросы.

Наконец, внимательное изучение практики управления заставляет критически отнестись к используемой сейчас исследователями терминологии. Так, термин “правительство” применительно к России XVI в. отличается большой неопределенностью и, если уж без него никак нельзя обойтись, нуждается в уточнении: какая правящая группа имеется в виду в том или ином случае. Как уже говорилось, статус и функция в московской политической культуре далеко не всегда совпадали. Высокая “политика” (“дела государские и земские”) была прерогативой государя и его советников-бояр, в то время как хозяйственно-распорядительной деятельностью занимались главным образом дворцовые чины (дворецкие, казначеи, дьяки). Эти сферы пересекались, но не совпадали полностью. Поэтому, в зависимости от того, какой смысл вкладывается в термин “правительство” (управленческие функции – или средоточие высшей власти, текущие административные дела – или решение важнейших вопросов), он может прилагаться к разным лицам.

Самые влиятельные дьяки первой половины XVI в. (вроде упомянутых выше А. Курицына и Ф. Мишурина) с успехом подвизались на своих поприщах: они не чурались канцелярской рутины, но, с другой стороны, принимали участие в приеме иностранных послов и в решении важных внешнеполитических вопросов⁶⁹. Во второй половине XVI столетия специализация в работе дьяков становится более заметной: одни дьяки, вроде Юрия Сидорова и Ивана Кожуха Кроткого, занимались выдачей и переутверждением грамот⁷⁰, другие же, подобно знаменитому Ивану Михайловичу Висковатому, сделали блестящую дипломатическую карьеру. Начав с должности подьячего в 1542 г., Висковатый в 50–60-е годы стал фактическим руководителем внешней политики страны, печатником; карьера его трагически оборвалась в 1570 г., когда он пал жертвой опричного террора⁷¹.

Проникновение вчерашних “писарей” в большую политику означало для них выход из тени на свет и в то же время свидетельствовало о неуклонной тенденции к бюрократизации управления страной. Но этот успех был сопряжен с большим риском: и Федор Мишурин (в 1538 г.), и Иван Висковатый (в 1570 г.) заплатили за него головой.

* * *

Вследствие несовпадения конфигурации политического “поля” XVI в. с той, которая характерна для Нового и Новейшего времени, исследователь московской “политики” сталкивается с очень большими трудностями. Ему необходимо прислушиваться к дискурсу

эпохи и очень осторожно использовать терминологию, сложившуюся в более позднее время. Но при этом важно учесть и прагматическую сторону московской “политики”, изучить то, что часто остается в тени: будни власти, канцелярскую рутину.

Исследование политического дискурса и практик управления и их взаимосвязи – так можно сформулировать двуединую задачу обретенной политической истории.

¹ О направлениях внутренней и внешней политики Русского государства XVI в. см.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964 (2-е изд. под названием “Опричнина” М., 2001); *Он же.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986; *Кауштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967; *Скрябинников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992 и др. О реформах 50-х годов XVI в. (в целом) см.: *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 14–20; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. О реформах местного управления (губной и земской) см.: *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. Гл. 6–9; *Он же.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

² См., например: *Назаров В.Д.* Государство, сословия и реформы середины XVI в. в России // Реформы и реформаторы в истории России: Сб. ст. М., 1996. С. 10–22.

³ *Crummey R.O.* The Formation of Muscovy 1304–1613. L.; N.Y., 1987. Chap. 6. 4 Ibid. P. 148, 149.

⁵ *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 59.

⁶ См., например: *Филлошкин А.И.* История одной мистификации: Иван Грозный и “Избранная Рада”. М., 1998. Ср. мою рец. на эту кн.: Отечественная история. 1999. № 4. С. 175–177. См. также: *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 50.

⁷ Подробнее об этой летописи см.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 29–41; *Клосс Б.М.* Летописец начала царства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. С. 20–21.

⁸ Полное собрание русских летописей. (Далее: ПСРЛ.) М., 1965. Т. 29. С. 11–48, 55–116.

⁹ Там же. С. 10–11 (арест князя Юрия Дмитровского), 17 (монетная реформа), 29–30 (арест князя Андрея Старицкого), 34, 37, 42, 45 (боярские распри), 27, 38, 44, 47–49, 51 (поездки Ивана IV на богомолье) и т.д.

¹⁰ Так, историки приложили немало усилий для выяснения смысла и хода проведения губной реформы 30–40-х годов XVI в. Между тем в летописании имеется всего одно упоминание об этой реформе – в провинциальной

- Никоновской летописи под 1541 г. См.: Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 110. В летописях центрального (московского) происхождения о губной реформе не сказано ни слова!
- Ток. Б.М. Клосс доказал, что первоначальная редакция Никоновской летописи была создана при дворе митрополита Даниила в конце 20-х годов. См. Клосс Б.М. Никоновская летопись и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
- Тамин А.А. И.С. Пересветов и его современники. С. 340–384.
- Юрганов А.Л. Идеи И.С. Пересветова в контексте мировой истории и культуры // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 15–27; Он же. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 33–36, 42–43, 77–80, 121–228.
- Каравашкин А.В. Мифы Московской Руси: Жизнь и борьба идей в XVI в. // А.В. Каравашкин, А.Л. Юрганов Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 116–186 (особ. С. 124, 150, 168).
- Каравашкин А.В. Диалектика мифа в истории // Там же. С. 365.
- Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 403.
- Rowland D. The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles // Russian History. 1979. Vol. 6, N. 2. P. 259–283.
- Ilushkovitch P. The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10, N. 3/4. P. 359, 364.
- Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 356.
- Там же. С. 403.
- Шинский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 351.
- См.: Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 482–487 (коммент. А.Л. Гольдберга).
- См.: Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. ст. М., 1994. С. 16–30 (особ. С. 17, 22, 28).
- Или П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003. С. 113.
- Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations: 2nd ed. Newbury Park; L.; New Delhi, 1989. P. 12.
- Ibid. P. 17.
- Ibid.
- Baker K.M. Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century. Cambridge, 1990 [repr. 1994]. P. 4. Ср. его же более раннюю формулировку: *Idem*. Introduction // The Political Culture of the Old Regime / Ed. by K.M. Baker. Oxford; N.Y., 1987. P. XII.
- Keehan E.L. Muscovite Political Folkways // The Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 115–116 (Not. 1).
- «Под "политической культурой", – пишет Д. Островски, – я понимаю совокупность институций, ориентаций, концепций и практик, связанных с управлением обществом». См.: *Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. P. 1 (Not. 1).*

- 31 Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 8.
- 32 Kivelson V. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996. P. 9.
- 33 Сборник Русского исторического общества. (Далее: Сб. РИО.) СПб., 1999. Т. 59. С. 81. Подробнее об опережающем формировании внешнеполитического дискурса по сравнению с внутривластным см.: Кром М.М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. М., 2001. Вып. 4 (111). С. 388–389.
- 34 Хархордин О. Что такое “государство”? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках: Сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М., 2002. С. 152–217; Толстиков А.В. Представления о государе и государстве в России второй половины XVI – первой половины XVII века // Одиссей. Человек в истории. 2002. М., 2003. С. 294–310 (особ. 295–301).
- 35 ПСРЛ. Т. 29. С. 10.
- 36 Там же. С. 29, 34, 48.
- 37 См. подробнее: Каравашкин А.В. Харизма царя // А.В. Каравашкин, А.Л. Юрганов. Указ. соч. С. 196–201.
- 38 Keenan E.L. Op. cit. P. 138.
- 39 Banfield E.C. Politics // A Dictionary of the Social Sciences / Ed. J. Gould, W.L. Kolb. N.Y., 1964. P. 516.
- 40 Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.
- 41 Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991 [репр. 5-го изд.: СПб. 1899]. Стб. 1023.
- 42 Аристотель. Соч. в 4 томах. М., 1983. Т. 4. С. 467.
- 43 ПСРЛ. Т. 29. С. 37.
- 44 Там же. С. 58.
- 45 ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1. С. 126.
- 46 Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 335.
- 47 Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 63.
- 48 Толстиков А.В. Указ. соч. С. 302–305.
- 49 “Приговор” собора 1566 г. см.: Акты, относящиеся к истории земских соборов / Под ред. Ю.В. Готье: 2-е изд. М., 1920. С. 5–16.
- 50 См. подробнее: Кром М.М. Политический кризис 30–40-х годов XVI века: (Постановка проблемы) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 3–19.
- 51 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1830. № 142. С. 114.
- 52 См.: Зимин А.А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 182.
- 53 Каиштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XV века [Ч. I] // Археологический ежегодник за 1957 год. М., 1958. № 44, 63, 91, 96, 98, 99, 116, 120, 122, 123, 125–127, 131, 172, 207, 212, 222, 223. С. 308–340; Каиштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический

- Перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. III // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. № I-39, I-46, I-61. С. 202–205.
- См. Кром М.М. Будни власти: Пометы на жалованных и указных грамотах как источник по истории великокняжеской канцелярии 30–40-х годов XVI в. // Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения И.М. Панеяха (в печати).
- Сборник грамот коллегии экономии. Пг., 1922. Т. I, № 109. Стб. 112.
- Кром М.М. Политический кризис 30–40-х годов XVI века. С. 12, 15.
- См. Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 9.
- Российский государственный архив древних актов. (Далее: РГАДА.) Ф. 281. Бежецк. № 69/1173.
- Подсчет сделан М.С. Черкасовой: Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 126.
- См. Каиштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века [Ч. I]. С. 344–346. № 317–333.
- Подробнее о Ф. Мишурине см.: Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. Т. 87. С. 253–254.
- Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 303. Кн. 518. Л. 18 об.
- РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 2.
- Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. Док. № 1. С. 99.
- Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 357, 369, 385, 410 и др.
- Панеях В.М. Русь в XV–XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 23, 41.
- Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. 1996. № 3. С. 93–114 (особ. С. 106, 108–110).
- Русская историческая библиотека. Пг., 1915. Т. 32, № 168. Стб. 290–293.
- См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 279–280, 344–345.
- Там же. С. 268, 474–475.
- См.: Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI века. М., 1994.